

Бородинское ПОЛЕ

*Есть такая медаль – «За оборону Москвы».
И получали ее те, кто в занесенных полях под Москвой
рыл окопы, ставил противотанковые ежи,
дрался на огневых рубежах.
...В октябре 1941 года комдив В. И. Полосухин записал
в книге посетителей Бородинского музея:
«Пришел Бородинское поле защищать!»
Могила комдива в Можайске, рядом с могилами героев
1812 года. Близость не просто
символическая – это непрерывность исторической
цепочки, схожесть солдатской судьбы. Перед
Бородинским боем политруки дивизии Полосухина
читали вместо приказа лермонтовское «Бородино».
«И клятву верности сдержали...»*

Бородино. Памятник «Подвигам предков».
Арх. А. Верещагин, 1912 г.

Юбилейные торжества на Бородинском поле.
Фото А. Миловского

Помнит вся Россия

*«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.*

Михаил Лермонтов

редосенний этот день на Бородинском поле — совсем как на панораме Рубо: холмы, перелески, высокое небо; с батареи Раевского — уходящий в поля простор, и воображение дорисовывает: ряды гренадер, цепи егерских полков, дым орудий, атаки французов, накатывающиеся на курганную высоту, где сноровисто работают батареи, и, кажется, Пьер Безухов с наивным любопытством разглядывает готовое разорваться у его ног ядро.

И тогда, в день Бородина, было это неяркое солнце и краски, тронутые осенью. И тогда Бородино начиналось от Можайска, по выезде из города, где дорога спускается с горы, где — помните? — тот же Пьер Безухов повстречал обоз раненых солдат и старый служивый, побывавший под Шевардиным, сказал ему, что на пришельцев теперь всем народом навалиться хотят... Здесь знаешь все и видишь всему. Этой земле и памяти на ней.

Здесь спадает завеса времен. Из очертаний далеких выступают лица, полные мужества и отваги, чудятся движения войск, гром орудий, клики полков. И понимаешь, почему на поле Бородина проходят через тебя токи веков. Потому что мерой самой высокой испытывается здесь чувство Отечества. Потому что неизменно в России Бородино. «Помнит вся Россия» — про Бородино сказано.

Какой здесь покой! Кажется, заколдованным сном спит это поле. Кажется вечной тишина. В нерушимой этой тишине движутся в небе облака, памятники полкам и дивизиям — бронзовые орлы — простирают крыла. По всему полю — монументы, и все тот же их осеняет покой. И говорят они о молодых, красивых, храбрых, что были кавалергардами, гренадерами, кирасирами. Печаль, тишина. Здесь живет легенда о прекрасной русской женщине, вдове генерала Тучкова, которая на месте гибели дорогого ей человека, близ Багратионовых флешей, основала монастырь и всю жизнь прожила на поле Бородина.

К памяти кавалергардов и гренадер зывают бронза, мрамор, гранит. Сияет позолотой меч полководца на обелиске Кузусова, а далее — граненый мрамор с дорическими колоннами в честь егерей, обелиск во славу лейб-гвардии и матросов гвардейского экипажа, первыми вступивших в сражение, и по всему простору ведут тебя врезанные в камень имена полков, дивизий, бригад, корпусов — бессмертие Бородинского поля... «Подвигам предков — кавалергарды». «Славным предкам — Павловский гренадерский полк»... Твои полки, твои знамена, Россия!

Здесь живут страницы «Войны и мира». На стоптанном жнивье, под французскими ядрами, стоял на Бородинском поле полковник Андрей Болконский. Сто тридцать лет спустя, в сорок первом, здесь встал насмерть командир 32-й стрелковой дивизии полковник Полосухин. Века соединились. Год сорок первый повторил восемьсот двенадцатый. Только шли на батарею Раевского, на курганную высоту не кирасиры Мюрата, не пехотные корпуса Нея, Даву, а танки дивизий СС. В осень сорок первого стали неразделимы кутузовские гренадеры и прибывшие на подмогу Москве солдаты сибирских полков.

Тогда, в сорок первом, в октябре, снег выпал и растаял. Стояли стылые дни и в волглом тумане горели немецкие танки. «Ребята! не Москва ль за нами?» — шесть дней длилось новое Бородино, и не мог продвинуться враг. И вновь русские доказали свое право быть непобедимыми. Был еще далек год сорок пятый, долог был к нему путь, но в полях Подмосковья уже занялась Победа!..

История живет в слове живом. Пусть будет сказано о Бородинском поле словами, несущими память 1812-го и 1941-го годов.

1812-й год

Отчего в Бородине дрались так храбро?—«Оттого, сударь, что никто тогда не ссылся и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: хоть все беги, а я буду стоять! хоть все сдайся, я умру, а не сдамся! Оттого все стояли и умирали!»

Рядовой русской армии

Артиллеристы и пехотные офицеры собирались в кружки и толковали о предстоящем деле. Все предполагали, что будет славное сражение. Наполеон и его солдаты—не шутка! Ну, да будто мы и не видали их! Постоим и мы за себя. С приездом Кутузова как будто все переродилось: водворилась надежда и уверенность. Притом мы сроднились с мыслью о смерти, мало кто думал из этой войны выйти целым.

Полагали, что завтрашний день будет решением кровавой задачи и, разумеется, только об этом и говорили.

Н. Митаревский, прапорщик артиллерийской бригады

Французы также готовились к решительному бою, только не с чувством любви к отечеству, а с жадностью добычи и славы завоевания. Москва лежала перед ними за полем битвы. Им нужно было только пройти по трупам сынов ее, чтобы достигнуть добычу, чувственных наслаждений, славного мира и возвращения домой.

И. Радожицкий, офицер-артиллерист

Наполеон работал до половины шестого. Мы сели на лошадей, трубили трубы, слышался барабанный бой. Лишь только войска заметили императора, раздались единодушные крики.

—Это энтузиазм Аустерлица,—сказал он.—Прикажите прочесть воззвание.

«Солдаты! Вот битва, которую вы так желали! Победа зависит от вас; нам она необходима; она даст нам обильные припасы, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Пусть о вас расскажут: «Он был в этой великой битве под Москвой».

Крики усилились, войска сгорали нетерпением сразиться и бой начался.

Ж. Рап, генерал-адъютант Наполеона

Князь Кутузов объезжал войска и говорил с ними просто, языком, доступным до глубины души. Симбирскому пехотному полку, например, сказал он: «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови... Надеюсь на вас...»

Единодушное «ура» сопровождало вождя от одной колонны к другой.

А. Михайловский-Данилевский, адъютант Кутузова

Сошлись!.. У нас нет языка, чтобы описать эту свалку, этот сшиб, это борение тысяч!.. Тысячи расшиблись на единицы и каждая действовала, дралась!.. Русские не уступали ни на вершок места... Я не могу здесь удержаться, чтобы не привести подлинных слов одного старого солдата: «Под Бородиным,—говорит он,—мы сошлись! Которая-нибудь сторона отдохнет и ну опять колотья. Колемя, колемя, колемя! Часа, почитай три на одном месте кололись!»

Федор Глинка

По мере того, как подходили к багратионовым войскам подкрепления, они шли вперед с величайшей отвагой по трупам павших... Русские колонны как подвижные шанцы двигались, сверкающие сталью и пламенем. На открытой местности, поражаемой нашей картечью, атакуемые то конницей, то пехотой, они терпели огромный урон, но эти храбрые воины, собравшись с последними силами, нападали на нас по-прежнему.

Ж. Пеле, полковник главного штаба наполеоновской армии

На восходе солнца поднялся сильный туман. Генерал Барклай в полной парадной форме при орденах и шляпе с черным плюмажем объезжал всю линию. Ядра и гранаты буквально взрывали землю. Молодцы гренадеры приветствовали его, покойно стоя с истинно военной выправкой. Ядра начали производить уже опустошение в их рядах, но они стояли по-прежнему стойко и безмолвно с ружьями у ноги и спокойно смыкали ряды, когда ядра уносили из них жертвы.

В. Левенитерн, адъютант Барклая-де-Толли

Коновницын повел нас к багратионовым шанцам часу в восьмом. Подошли две наши бригады, а третья в кустах была, построились, ударили в штыки; французы заматались, как угорелые. Француз храбр. Под ядрами стоит хорошо, на картечь идет смело, против кавалерии держится браво, в стрелках ему равного не сыскать. А на штыки, нет, не горазд. Бросит ружье и норовит с тобой вручную схватиться. Храбр он, да уж очень нежен.

Тихонов, унтер-офицер из 2-й армии

Наш полк получает приказ идти вперед. Целые полувзводы падают от неприятельского огня. Мы бросаемся к реду, взбираемся через амбразуры. Русские артиллеристы бьют нас банниками, рычагами. Мы вступаем с ними в рукопашную и наталкиваемся на страшных противников. Мы вынуждены отступить. Храбрый генерал Бонами, все время сражавшийся во главе полка, взят русскими в плен. Я никогда еще не участвовал в деле с такими выносливыми солдатами, как русские.

Ш. Франсуа, капитан наполеоновской армии

Багратион послал меня к Раевскому – посмотреть, что у него делается. Раевский взял меня на высоту батареи. Сто орудий засыпали ее. Раевский с торжествующей миной сказал мне: «Передай князю – вот что у нас делается».

С. Маевский, дежурный генерал у Багратиона

Приближаясь ко 2-й армии, увидел я правое крыло ее. Все покрыто дымом и охранявшие позицию войска рассеяны. Известно было, что важный пункт этот невозможно оставить во власти неприятеля. Я приказал из ближайшего Уфимского полка 3-му батальону идти за мной. Несмотря на крутизну восхода, приказал я атаковать штыками – любимым оружием русского солдата... Бой яростный и ужасный продолжался не более получаса. Сопrotивление встречено отчаянное, возвышенность отнята, орудия возвращены.

А. Ермолов, начальник штаба 1-й армии

Середина батареи Раевского представляла невыразимо ужасную картину: трупы были навалены один на другой в несколько рядов. Русские гибли, но не сдавались. На пространстве одного квадратного лье не было места, которое не было бы покрыто мертвыми или ранеными. Тут и там виднелись груды трупов.

Е. Лабом, офицер инженерных войск в армии Наполеона

Самое пылкое воображение не в состоянии представить сокрушительного действия происходившей здесь канонады. Гранаты лопались в воздухе и на земле, ядра гудели, сыпались со всех сторон. Ломали в щепы и вдребезги все, встречаемое ими в своем полете. Выстрелы были так часты, что не оставалось промежутка между ударами; они продолжались беспрерывно подобно неумолкающему раскату грома.

А. Михайловский-Данилевский

Полковые музыки разыгрывали военные марши, напоминавшие первые походы революции, когда дрались за свободу. Тут же эти звуки не одушевляли воинов, а некоторые офицеры посмеивались, вспоминая обе эпохи.

Делафлиз, полковой врач наполеоновской армии

Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки... Артиллерия должна жертвовать собою, пусть вас возьмут с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудия.

А. Кутайсов, начальник артиллерии главного штаба, погиб на поле боя

При вечернем подсчете личного состава 2-й сводногренадерской дивизии, которая сражалась на Багратионовых флешах, из 4 тысяч человек осталось менее 300, из 18 штаб-офицеров только трое. «Если бы на следующий день меня могли спросить, где моя дивизия, я отвечал бы, указав в назначенное ей место: «Вот она!»

М. Воронцов, командир дивизии

В течение всего дня Наполеон оставался хмурый, поникший, вяло отвечал на вопросы и ограничивался жестами покорности судьбе при известиях о смерти своих лучших генералов.

Р. Пейер, офицер наполеоновской армии

Когда император остался в своей палатке, к его физическому упадку присоединилась душевная боль. Потери были громадны и не соответствовали результатам. Было убито и ранено сорок три генерала. Во всей армии вплоть до его палатки молчаливо, сумрачно, одиноко, даже не слышно лести... Те, кого он позвал, Дюма, Дарю, слушали его молча, но их молчание, их позы, их опущенные глаза говорили достаточно.

Ф. Сегюр, офицер главного штаба наполеоновской армии

Тотчас после Бельяра, Дарю по настоянию Дюма и особенно Бертье тихо сообщил императору, что со всех сторон поднялись крики о том, что наступил момент пустить в ход гвардию. Но Наполеон возразил: «А если завтра будет битва, кто пойдет сражаться?» Министр не настаивал более, пораженный тем, что император впервые откладывал свою победу на следующий день.

Ф. Сегюр

В солдатах наших проявляются часто прекрасные, высокие черты; так и в этом сражении французы были взяты в плен, многие были ранены, у одного оторвана нога. Мучимый нестерпимой болью и голодом, он обращался к нашим солдатам и просил хлеба, у нас его не было, обоз был далеко, один из них вынул кусок хлеба и отдал неприятелю.

— На тебе, камрад, я с ногами, пока и достану где-нибудь, а тебе взять негде... Я знал, что кусок тот последний, и обнял благородного солдата.

Н. Любенков

Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравняется по ужасам с Бородинским полем... Все потрясены и подавлены.

Ложье, офицер наполеоновской армии

Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвою: французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми...

Это было прекраснейшее, но вместе с тем и ужаснейшее сражение. Из пятидесяти данных мною сражений это было сражение, в котором проявлено наиболее доблестей и достигнуто наименее результатов.

Наполеон Бонапарт

Преданность генералов и неколебимая храбрость солдат спасли Россию. Другие войска были бы разбиты и, может, уничтожены до полудня.

Ж. Пеле

Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона будучи в превосходнейших силах не превозмогла твердости духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое Отечество.

М. И. Кутузов

1941-й год

Из воспоминаний Маршала Советского Союза Г. К. Жукова:

На Можайском направлении против 40-го моторного корпуса врага, поддержанного авиацией, особенно упорно сражалась 32-я дивизия полковника В. И. Полосухина. Спустя почти 130 лет после похода Наполеона на Бородинском поле — том самом поле, которое давно уже стало нашей национальной святыней, бессмертным памятником русской воинской славы, — разгорелся бой. Воины дивизии не уронили этой славы, а приумножили ее.

Бородино! Тверда земля твоя!
Одно твое торжественное имя
Выводит павших из небытия
И чудодейно властвует живыми.

Сергей Васильев

Н. В. Калмыков, боец зенитного дивизиона:

12 октября нас высадили на станции Дорохово, своим ходом мы прошли по Можайскому шоссе и заняли огневую позицию недалеко от памятника Кутузову на Бородинском поле.

Н. П. Нечаев, командир батареи:

...— Ты знаешь, где нам выпала честь бить фашистов?

Я хотел снова развернуть карту и показать, но комдив махнул рукой:

— Карта тут ни при чем. Само место, где вы будете драться, знаешь какое?

Видишь, вон стоит мраморный памятник, почему он тут стоит?

Я подумал и говорю, что тут где-то должно быть Бородинское поле.

Виктор Иванович сразу оживился:

— Вот-вот, мы и будем защищать те места, где в 1812 году наши предки дали смертный бой захватчикам.

Из воспоминаний писателя Михаила Брагина:

... Штабные командиры из Можайска еще не прибыли, времени оставалось много, и полковник решил осмотреть место сражения. Он пошел дорогой, по которой в такой же осенний погожий день медленно катилась карета Кутузова, проводившего рекогносцировку. Несколько десятилетий спустя здесь, осматривая поле битвы, проезжал на открытых дрожках автор «Войны и мира». Березовой аллеей Полосухин прошел к маленькому домику Бородинского музея, одиноко стоявшему посреди поля. Его встретила сторожиха, подала книгу посетителей, в которой полковник написал, что он командир дивизии, прибыл с востока, а в графе «Цель посещения Бородинского музея» ответил: «Приехал Бородинское поле защищать».

Из боевого приказа:

«... Немедленно привести войска в боевую готовность и в случае наступления противника стоять насмерть».

В. К. Чевгус, командир 154-го гаубичного артполка:

Весь день 13 октября над Бородинским полем не смолкал гул немецких самолетов. Столбы дыма и пламени вырастали вокруг. Отбомбившись, фашистские самолеты улетали, но скоро появлялись другие. И снова земля дрожала от взрывов. Во второй половине дня немцы бросили в бой танки и пехоту. Это были пока передовые разведывательные части дивизии «Райх» 40-го моторизованного корпуса. Их атаки отбили артиллеристы.

Из сообщения Совинформбюро от 16 октября 1941 года:

В течение ночи на 16 октября наши войска продолжали вести бои на всем фронте. Особенно напряженные бои шли на Западном направлении. Противник продолжал вводить в сражения новые части.

Н. П. Нечаев, командир батареи:

... Уже более десяти танков противника застыли на подступах к тому месту, где в 1812 году стояла насмерть знаменитая батарея Раевского. Теперь в этом месте вели бой с танками врага артиллеристы капитана Зеленова. У второго орудия в живых остался только наводчик Федор Чихман. В секторе его орудия уже были подбиты три танка, а четвертый шел прямо на орудие. Наводчик нажал на спуск, грянул выстрел. Но почти в то же время возле орудия взметнулся столб огня и едкого дыма. Чихмана отбросило в сторону и он потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что танк, по которому он стрелял, приближается к нему. Неужели все? Федор здоровой рукой стиснул перебитую руку и пополз к орудию. Как удалось зарядить пушку, он не помнил, страшным усилием воли заставил себя держаться на ногах. Танк на перекрестии прицела! Федор выстрелил и упал.

Ветеран 32-й дивизии полковник И. Орлов:

Олицетворением мужества и отваги был прежде всего сам командир дивизии Виктор Иванович Полосухин. Он всегда являлся там, где шла наиболее напряженная борьба. Бойцы знали, что это он вынес из боя раненного наводчика Чихмана и тем спас ему жизнь.

С. Завацкий, шофер радиостанции комдива:

Во время боя в деревне Акулово, после бомбежки, немецкий самолет снизился на бреющий полет и обстрелял наше расположение, где находился комдив. Пуля прострелила ему полу шинели. Самолет улетел. Виктор Иванович посмотрел и говорит: «Вот паразит, шинель испортил». Я ему говорю: «Товарищ полковник, пригибайтесь». А он мне отвечает: «Мне пригибаться нечего, я не ворую, я родину защищаю!»

Генерал К. Ф. Телегин – из книги «Не отдали Москвы»

Бородино... Без малого сто тридцать лет назад на этом поле разыгралось невиданное по тем временам сражение русских войск с наполеоновской армией, предопределившее крушение планов Наполеона о мировом господстве... Озверевшие полчища нового претендента на мировое господство двинулись на дороге сердцу каждого патриота места, где располагались когда-то Шевардинский редут, Семеновские флеши, батарея Раевского... Поле славы русского оружия вновь становилось ареной ожесточенных боев. И уже не только «залпы тысячи орудий слились в протяжный вой». На потомков русских чудо-богатырей ринулась бездушная бронированная армада, а с неба под пронзительный вой пикировщиков сыпался град бомб. Но на пути врага встали достойные наследники ратной славы кутузовских солдат...

Тогда, в октябре 1941 года, против танковых соединений противника сражались на Бородинском поле:

32-я стрелковая дивизия, прибывшая с Дальнего Востока, 18-я и 19-я танковые бригады неполного состава, в ходе боев к ним присоединилась 20-я бригада, 230-й запасный стрелковый полк, пять противотанковых артиллерийских полков, два зенитно-артиллерийских полка, пять дивизионов гвардейских минометов, 36-й мотоциклетный полк, отдельный пулеметный и отдельный саперный батальоны, батальон курсантов, Можайский истребительный батальон.

За шесть дней боев было уничтожено и выведено из строя 117 танков противника, 12 бронемашин, 226 автомобилей, 4 самолета, около 40 орудий и минометов, свыше 10 тысяч солдат и офицеров.

По материалам книги-альбома
«Бородино». М., «Советская Россия»,
1980.

Из воспоминаний Г. К. Жукова:

Угроза столице не миновала: враг хоть и медленно, но приближался к Москве. Не помню точно какого числа – это было вскоре после тактического прорыва на участке 30-й армии Калининского фронта – мне позвонил И. В. Сталин и спросил:

– Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

– Москву, безусловно, удержим...

В октябрьские дни 1941 года защищал московское небо в районе деревни Горки, где был когда-то командный пункт Кутузова, летчик 190-го штурмового авиационного полка Петр Николаевич Лермонтов – потомок героя 1812 года мичмана гвардейского экипажа М. Н. Лермонтова.

Младший лейтенант В. Силантьев таранил фашистского «юнkersа» над Шевардинским редутом.

Книга-альбом «Бородино».

Свидетельство участника боев Б. Яковлева:

Когда началось наше контрнаступление, первыми ворвались в Бородино бойцы 210-го стрелкового полка под командованием майора Е. С. Кузьмина, отличившегося при освобождении Можайска. 601-й полк вступил в Семеновское. Когда наши воины подходили к зданию Бородинского музея, он пылал. «Облитые керосином полы уже провалились, горевшие стропила должны были с минуты на минуту обрушиться. В бородинском музее фашистская солдатня устроила такой же грязный хлев, как и в Ясной Поляне. Вся стена, на которой располагались портреты героев Бородина, была исчерблена немецкими пулями».

Из сообщения Совинформбюро от 12 декабря 1941 года:

... Войска Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. Противник поспешно отходит, бросая технику и неся огромные потери.

Подготовил В. Ольшевский